

УДК 316.35.023.4

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТОВ С ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬЮ У КАНДИДАТОВ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ¹

А.В. Махнач^а

^а Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Представлены результаты исследования взаимосвязи ценностных приоритетов в группах кандидатов в замещающие родители с низким и высоким уровнем жизнеспособности. Показано, что респонденты с *высокой жизнеспособностью* характеризуются выбором таких индивидуальных приоритетов, как «Доброта», «Универсализм», «Самостоятельность», респонденты с *низкой жизнеспособностью* – индивидуальных приоритетов «Гедонизм», «Стимуляция», «Самостоятельность». На уровне нормативных идеалов кандидаты в замещающие родители с высокой жизнеспособностью характеризуются ценностями традиций, конформностью, добротой. Респонденты с низкой жизнеспособностью характеризуются нормативными идеалами гедонизма, властью, стимуляцией.

Ключевые слова: ценностные ориентации; кандидаты в замещающие родители; жизнеспособность человека.

Введение

Семья часто выступает для ее члена в качестве референтной группы. Если человек опирается на нормы, ценности и мнения членов своей семьи, то она служит эталоном, с которым он соотносит себя. Семья в данном случае является источником социальных установок и ценностных ориентаций субъекта. Ориентируясь на референтную группу, человек оценивает себя, свои поступки, образ жизни и идеалы. Таким образом, семья осуществляет в дополнение к другим функциям еще две социальные функции – нормативную и сравнительную.

Некоторые авторы считают, что в современном российском обществе семейные ценности значительно изменились за последние десятилетия [1], осознанной передачей семейных ценностей стали пренебрегать, считая, что время и обстоятельства современной жизни не способствуют их сохранению и трансляции младшему поколению. Эта тенденция отражается в снижении ценности этических норм, духовности подрастающего поколения, сказываясь на его жизнеспособности в целом. Западная культура и, следо-

¹ Работа выполнена по государственному заданию № 0159-2019-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

вательно, западное общество сосредоточены на самосовершенствовании и поэтому избегают причастности к «боли, страданиям, ошибкам и неудачам как нормальному компоненту жизни. Финансовые и личные успехи в настоящее время ценятся больше, а неудачи не рассматриваются как опыт, который улучшает навыки решения проблем» [2. Р. 93].

В отечественных исследованиях, посвященных проблемам семейных ценностей и их трансляции от поколения к поколению, традиционно изучается их формирование в семьях, воспитывающих детей с особенностями развития [3, 4], молодых семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями [5], детей-сирот [6], в замещающих семьях [7–9]. Также в исследованиях делается акцент на духовно-нравственной природе семейных ценностей [10, 11], традициях [12], родительских наставлениях [13, 14], на формировании семейных ценностей в отдельных национальных образованиях и культурах [15, 16]. Как правило, темы ценностей семьи рассматриваются в связи с разными этапами ее развития – молодая семья [17], супруги, находящиеся в продолжительном по времени браке [18, 19]. Семейная функциональность и дисфункциональность, на которые оказывают влияние семейные ценности, по-прежнему остаются предметом интереса исследователей [20, 21].

В ставших классическими работах F. Walsh о жизнеспособности семьи успешное функционирование семьи и ее жизнеспособность оцениваются «по отношению к ценностям каждой семьи, структурным и реляционным ресурсам и жизненным вызовам. Процессы оптимального функционирования и благополучие членов семьи меняются со временем по мере возникновения проблем, что развивает семью» [22. Р. 405]. При этом передача семейных ценностей из поколения в поколение является источником жизнеспособности и силы семьи. И поскольку основные ценности сосредоточены вокруг семьи и взаимной поддержки, характер и качество налаживания отношений в этом контексте очень важны.

Жизнеспособные семьи, как правило, устанавливают свои приоритеты, основанные на общих ценностях членов семьи. Они защищают чувство идентичности семьи путем поддержания нормального семейного функционирования в соответствии с принятыми в ней ценностями. Общие для семьи ценности, интересы могут привести к улучшению функционирования семьи, помогая семьям развивать чувство согласованности, определяемое как лучшее средство для понимания характера рисков, выявления и использования доступных защитных факторов, и способность найти положительный смысл в этом процессе [23]. Это помогает семье верить в ее способность быть жизнеспособной [24]. Родители в семьях могут быть объединены общими интересами, одинаковым способом решения проблем, стремлением к целям, и прежде всего структурой ценностных ориентиров, культурной принадлежностью семьи.

Говоря о роли культуры как одного из контекстов жизнеспособности человека и семьи в формировании и поддержании нужных для семьи ценностных ориентиров, A. HeavyRunner и J. Sebastian Morris утверждают, что

когда в семье значение культурных ценностей объясняется, а они сами по себе оберегаются, и у детей воспитывается особое отношение к ним, то эти дети развивают природную жизнеспособность, которая основывается на здоровом и уважительном отношении к культурной идентичности [25]. Известный американский антрополог N. Sudarkasa указывала на важность «возрождения и воспитания ценностей, которые в прошлом помогали афроамериканским семьям сохранить себя» [26. Р. 30]. Поэтому всегда актуальна тема возвращения к корням семьи, народа. На примерах семей, переживших множество трудностей и выживших, показано, что в этом выживании им были присущи сила духа и обращение к ценностям семьи и их культуры, что стало основой их жизнеспособности [27]. Содействие поддержанию этих ценностей в дискурсе народа и конкретной семьи будет способствовать жизнеспособности большой социальной группы (народа) и малой (семьи) в рамках данной культуры. На протяжении всей истории существования семьи – от ее рождения и далее – жизнеспособность развивается, являясь результатом осознанного влияния каждого члена на отношения внутри семьи, на связи с расширенной семьей и социальным окружением в целом.

По нашему определению, жизнеспособность семьи – это ее системная характеристика, определяющая способность отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальных, семьи как системы, ресурсов внешней среды), предполагающая умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться. Жизнеспособность семьи создается благодаря комплексу взаимодействий многих факторов на каждом из названных уровней. Среди факторов, поддерживающих жизнеспособность (их отсутствие является условием появления уязвимости), выделяются, например, доступ к социальным ресурсам и финансовая безопасность, умения и навыки членов семьи (навык решения проблем, принятие решений и др.), система ценностей семьи.

По мнению Н.И. Лапина, высокая гомогенность базовых ценностей служит духовным основанием целостности российского общества [28]. Общественная история чаще показывает такую картину: для сложных противоречивых времен развития общества характерно объединение вокруг моральных общечеловеческих ценностей, индивидуализм показывает свою несостоятельность и губителен для индивида. Нужно вспомнить о том, что М. Шелер «ситуационные ценности» противопоставлял «вечным ценностям», которые имеют значение всегда и для всех. Эти ценности ждут того момента, когда пробьет их час, когда нужно использовать неповторимую возможность их реализовать; эта возможность может быть упущена, и ситуационная ценность навсегда останется нереализованной [29. С. 47–48].

Эти выводы, сделанные классиками, относимы и к объекту наших исследований – замещающей семье. Причиной такого экскурса в вопросы передачи семейных ценностей, их значимости для семьи, важности осознания их существования в ее жизни является понимание того, что замещающая семья по совокупности условий и обстоятельств ее жизнедеятельности

в связи с появлением в ней сироты становится особой, часто пребывающей в состоянии тревоги, беспокойства, стресса. Поэтому так важна в сложившихся условиях ее жизнеспособность, которая рассматривается через призму ценностных приоритетов, являющихся факторами защиты, позволяет семье функционировать социально приемлемым способом. Все чаще появляются попытки описания модели позитивной социализации замещающей семьи с обращением исследователей к ее ценностям [30].

В связи с этим в исследованиях жизнеспособности замещающей семьи внимание ученых обращается прежде всего на такие важные понятия, как надежда, смысл жизни, индивидуальный потенциал, ресурсы, понимание себя, ценность ребенка, поддерживающие отношения, включение в социум. Изучение ценностей, способствующих жизнеспособности замещающей семьи, происходит в русле определения психологических индивидуальных и семейных ресурсов, социальных ресурсов общества и сопоставления роли индивидуальных, семейных и социальных ресурсов для формирования и развития жизнеспособности замещающей семьи. Существо проблем замещающих семей определило две задачи исследования: определить, связан ли уровень жизнеспособности с ценностными приоритетами в этой социальной группе, а также связаны ли те или иные ценности с наличием в семье детей.

Методы исследования

Для изучения взаимосвязи ценностных приоритетов с жизнеспособностью замещающих родителей мы предположили, что сочетание некоторых ценностей может оказывать влияние на их жизнеспособность.

Все респонденты заполнили Тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM) [31] и Тест ценностных ориентаций Ш. Шварца (Schwartz Value Survey, SVS) [32].

Тест ценностных ориентаций Ш. Шварца позволяет оценить ценностные ориентации индивида на уровне индивидуальных приоритетов и ценностные ориентации на уровне нормативных идеалов [32].

Тест RRC-ARM оценивает три интегративных показателя индивидуальной жизнеспособности: «Личностные характеристики», «Семейная поддержка» и «Контекст»; в последний входят показатели «Культура», «Образование», «Духовность».

Интегративный показатель «Личностные характеристики» состоит из трех частных показателей:

- «Индивидуальные навыки» (навыки решения проблем, настойчивость в достижении цели, знание своих сильных сторон);

- «Индивидуально-социальные навыки» (навыки поведения в различных ситуациях, умение обращаться за помощью и поддержкой, способность применять эти навыки в жизни);

- «Индивидуальная поддержка» (наличие поддержки среди друзей).

Интегративный показатель «Семейная поддержка» включает в себя два частных показателя: «Физическая забота» и «Психологическая забота», которые измеряют восприятие респондентом семейной поддержки в плане получения заботы о своих физических нуждах и поддержки семьи в трудных ситуациях, наличие в семье традиций, открытости и доверия.

Интегративный показатель «Контекст» включает в себя три частных показателя:

- «Образование» (включенность человека в свою профессиональную среду и стремление совершенствоваться в профессии);
- «Культура» (принадлежность к своей национальности; принадлежность к кругу близких людей, его традициям и взаимодействие в нем);
- «Духовность» (религиозность человека, значение для человека религии как источника силы).

В тесте RRC-ARM рассчитывается интегральный показатель жизнеспособности человека, и чем он выше, тем выше его общая жизнеспособность.

В работе по адаптации теста принимали участие студенты Московского государственного психолого-педагогического университета ($n = 40$). Студентам было предложено дважды ответить на вопросы теста с интервалом в один месяц. Повторное тестирование было проведено с последующим вычислением коэффициента корреляции между данными первого и второго тестирования. В целях лингвистической адаптации RRC-ARM пункты теста были переведены на русский, а затем обратно – на английский язык. Для установления валидности был применен независимый внешний критерий по отношению к тому, что тест должен измерить, т.е. жизнеспособности респондентов. Изучаемую характеристику мы оценили по совокупности внешних показателей, которые свидетельствовали о наличии у участников эксперимента этого качества: все они из благополучных полных семей, без склонностей к риску, нарушениям, психологически и физически здоровы, имеют здоровую привязанность к близким, включены в дружеские отношения в университете и вне его, четко представляют свое будущее. С этим обобщенным критерием благополучия были соотнесены исходные тестовые показатели их жизнеспособности. Каждый вопрос теста оценивался по пятибалльной ликертовской шкале. Посредством трех шкал («Личностные характеристики», «Семейная поддержка» и «Контекст») были оценены соответствующие три области, каждая из которых, по мнению экспертов проекта, характеризует жизнеспособность человека.

Статистическая обработка данных по тесту RRC-ARM проводилась с помощью факторного анализа (метод главных компонент, варимакс-вращение). Использовался исследовательский (эксплораторный) факторный анализ, позволяющий определить, сколько и какие именно психологические конструкты (факторы) измеряются данным набором переменных. Для сокращения числа факторов применялся критерий Кайзера. После применения всех необходимых процедур валидации теста на российской

выборке он был использован в ряде исследований [27, 33–36]. В исследованиях на разных выборках тест показал высокую внутреннюю согласованность и консистентность, вычисления корреляций шкал теста с рядом внешних критериев показали высокую конвергентную и дискриминантную валидность. Также был получен коэффициент α Кронбаха по каждой шкале, разделенной на две части: метод проверки внутренней согласованности теста [38, 39 и др.].

Выборка исследования

Для оценки связанности уровня жизнеспособности (высокий–низкий уровень) с ценностными приоритетами в группе кандидатов в замещающие родители из общей выборки ($n = 700$) были выделены состоящие в зарегистрированном браке ($n = 152$), из них сформированы 2 группы: группа А состояла из 25 женщин, 15 мужчин ($n = 40$) с высоким значением показателя «Общая жизнеспособность», группа Б – из 20 женщин и 14 мужчин ($n = 34$) с низким значением этого показателя. Выделение в группы происходило по результатам теста RRC-ARM: высокое значение показателя «Общая жизнеспособность» определялось выше 130 баллов, низкое значение показателя – ниже 100 баллов. Группы респондентов также были рандомизированы по возрасту (табл. 1).

Таблица 1

Данные о возрасте в группах

	Объем выборки (n)	Среднее значение (M)	Стандартная ошибка среднего значения (SD)
Группа А	40	39,45	6,86
Группа Б	34	35,85	9,17

Для оценки связанности ценностей с наличием в семье детей из общей выборки ($n = 700$) были сформированы две группы респондентов по признаку наличия / отсутствия детей у кандидатов в замещающие родители: группа кандидатов с детьми ($n = 158$) и группа без детей ($n = 132$).

Для выявления статистически значимых различий были применены U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ данных.

Результаты и их обсуждение

Две группы были сопоставлены по показателям теста RRC-ARM и теста ценностных ориентаций Шварца. Получены статистически значимые различия по Тесту ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов между двумя группами кандидатов в замещающие родители с высокой и низкой жизнеспособностью.

Группа А – с *высокой жизнеспособностью* – характеризуется выбором следующих индивидуальных приоритетов: «Доброта»; «Универсализм»; «Самостоятельность».

Кандидаты в замещающие родители с «просоциальной» системой ценностей характеризуются доброжелательностью, направленной на сохранение благополучия других, с которыми они находятся в личных контактах, проявляя лояльность, снисходительность, честность, ответственность, дружбу. Они отличаются пониманием, терпимостью, их заботит защита благополучия всех людей и природы. Как правило, они отличаются самостоятельностью в выборе способов действия, исследовательской активностью.

Высокую жизнеспособность кандидатов в замещающие родители этой группы можно объяснить тем, что они обладают характеристиками, которые способствуют выполнению ими деятельности по воспитанию сироты. Во-первых, это направленность на других, а не на себя. Альтруистическая система ценностей позволяет им получать удовлетворение от процесса воспитания, оказания поддержки и помощи ребенку, их доброжелательность направлена на него. В исследовании показано, что уровень альтруизма также прямо пропорционален высокой эффективности профессиональной деятельности успешных патронатных родителей. Их высокая экспертная оценка обуславливается высоким уровнем альтруизма и меньшим, но значимым уровнем рефлексии [40].

Во-вторых, просоциальная система ценностей самих родителей будет способствовать социализации приемного ребенка и, как следствие, его успешной социальной адаптации.

В-третьих, такая система ценностей делает их более терпимыми к трудностям, связанным с воспитанием приемного ребенка, они будут лучше понимать его, а следовательно, реже испытывать неудовлетворенность результатами собственной деятельности, отмечать позитивные свидетельства воспитательных действий, видеть перспективу своего взаимодействия с ребенком. Соответственно, реже будут проявляться симптомы эмоционального выгорания.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что риск возвратов у таких замещающих родителей будет низким благодаря их высокой жизнеспособности.

В группе Б – с *низкой жизнеспособностью* – были выделены следующие индивидуальные приоритеты: «Гедонизм»; «Стимуляция»; «Самостоятельность».

Таковыми индивидуальными приоритетами описывается личность, стремящаяся к удовольствию и наслаждению жизнью, нуждающаяся в новизне и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности, а также в автономности и независимости. Такие замещающие родители отличаются самостоятельностью мышления и выбора способов действия, в приоритете у них – творчество, познавательная активность. С нашей точки зрения, такой приоритет ценностей связан с их низкой жизнеспособностью.

Во-первых, специфика работы замещающего родителя связана с большим количеством проблемных ситуаций и трудностей по их преодолению. Поэтому человек, стремящийся к удовольствиям и наслаждению жизнью, явно в этих условиях будет испытывать неудовлетворенность.

Во-вторых, родительский труд, в том числе и труд замещающих родителей, представляется монотонным и однообразным. Как образно выразилась мать полуторогодовалого ребенка о своем ежедневном времяпровождении, «день сурка». В этих условиях человек, нуждающийся в новизне, будет испытывать постоянный дискомфорт.

В-третьих, самостоятельность и независимость являются ценностями и в первой, и во второй группах респондентов. Но в группе Б они сочетаются с ценностями, не являющимися просоциальными, что характеризует личность индивидуалиста. Если учитывать особенности детей-сирот (абсолютно не социализированных), то замещающие родители с индивидуалистической направленностью плохо будут справляться с их социализацией, которая является важнейшей задачей семьи для каждого ребенка, в особенности приемного. Как следствие, трудности такого ребенка в социуме будут только возрастать.

В результате стремление замещающих родителей получать удовольствие от жизни не будет удовлетворяться совсем, что может привести к отказу от ребенка. В целом система ценностей группы с низкой жизнеспособностью характеризуется направленностью на себя, собственные потребности, она эгоцентрична и по содержанию, и по сути.

Также были получены значимые различия между двумя группами кандидатов в замещающие родители с высокой и низкой жизнеспособностью по Тесту ценностных ориентаций Шварца на уровне нормативных идеалов.

Группа А – с *высокой жизнеспособностью* – характеризуется нормативными идеалами «Традиции»; «Конформность»; «Доброта».

Группа Б – с *низкой жизнеспособностью* – определяет приоритет нормативных идеалов «Гедонизм»; «Власть»; «Стимуляция».

На уровне нормативных идеалов мы отмечаем в группе Б (с низким уровнем жизнеспособности) стремление к удовольствию и наслаждению жизнью, доминантность, потребность в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами. Они нуждаются в новизне и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности.

В этой группе на уровне нормативных идеалов на второе место выходит ценность «Власть», но на уровне инструментальных ценностей ее сменяет ценность «Самостоятельность». Можно предположить, что такие замещающие родители будут декларировать систему иерархии и доминантность, но на уровне поведения подкрепления этому не будет происходить. Несомненно, такая иерархия ценностей может затруднить адаптацию ребенка в замещающей семье.

В случае с подростком-сиротой роль семьи для него будет недооцениваться, возможно, потому, что подростки, как представляется, уделяют приоритетное внимание связям со сверстниками. Однако исследования показывают, что на самом деле большинство подростков в значительной степени полагаются на свои семьи в сложных ситуациях, опираются на их ценности и поддержку [41]. Имея минимальный опыт заботы о другом че-

ловеке, воспитываемый в такой семье подросток будет усваивать такие ценности, которые в будущем не будут способствовать выстраиванию родственных отношений заботы о стареющих замещающих родителях. В другом исследовании показано, что результативность приемного родительства связана выраженностью способности к изменению образа и уклада жизни в соответствии с потребностями ребенка, т.е. ориентированностью на альтруистические ценности [42].

Наименьшее расхождение между двумя группами кандидатов в замещающие родители с высокой и низкой жизнеспособностью по среднему рангу на уровне **индивидуальных приоритетов** наблюдается по показателям «Гедонизм» (34,26 баллов в группе Б – с низкой жизнеспособностью, и 35,68 в группе А – с высокой жизнеспособностью) и «Власть» (31,44 баллов в группе Б – с низкой жизнеспособностью, и 38,26 в группе А – с высокой жизнеспособностью).

Наименьшее расхождение между двумя группами кандидатов в замещающие родители с высокой и низкой жизнеспособностью по среднему рангу на уровне **нормативных идеалов** также продемонстрировал показатель «Гедонизм»: 33,51 баллов в группе Б – с низкой жизнеспособностью, 40,89 – в группе А – с высокой жизнеспособностью.

Следует отметить, что, несмотря на минимальное расхождение по показателю «Гедонизм» в обеих группах, в группе Б именно эта ценность выходит на первое место как на уровне инструментальных, так и на уровне нормативных ценностей.

Далее из общей выборки ($n = 700$) были сформированы две группы респондентов по признаку наличия / отсутствия детей: группа кандидатов в замещающие родители с детьми ($n = 158$) и группа без детей ($n = 132$). Средний возраст в подгруппах отражен в табл. 2.

Таблица 2

Данные о возрасте в группе кандидатов в замещающие родители с детьми и группе без детей

	Объем выборки (n)	Среднее значение (M)	Стандартная ошибка среднего значения (SD)
Группа с детьми	158	41,21	8,384
Группа без детей	132	38,06	7,251

Мы проанализировали значимые различия по тестам RRC-ARM и ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне нормативных идеалов между двумя группами кандидатов в замещающие родители: без детей (группа 1) и с детьми (группа 2) (табл. 3).

Проведенный анализ показал, что у замещающих родителей без детей показатели, оценивающие ценности «Традиции» и «Доброта», выше на уровне нормативных ценностей, но это только их декларируемые ценности, а на уровне инструментальных ценностей такое предпочтение не подтверждается.

Таблица 3

Данные о ценностях в двух группах

Шкалы	Группы	Средний ранг	Сумма рангов	U-критерий Манна-Уитни	
Традиции	1	167,06	22 052,00	9 034,00	$p \leq 0,005$
	2	138,46	23 399,00		
Доброта	1	162,56	21 458,00	9 628,00	$p \leq 0,041$
	2	141,97	23 993,00		

Примечание. 1 – группа кандидатов в замещающие родители без детей; 2 – группа кандидатов в замещающие родители с детьми.

Результаты корреляционного анализа между показателями теста Шварца (сравнивались показатели, оценивающие ценности на уровне индивидуальных приоритетов, проявляющихся в поведении) и RRC-ARM в группе Б (с низкой жизнеспособностью) показали, что ценности «Конформность» и «Универсализм» значимо отрицательно связаны с индивидуально-социальными навыками. Мотивационные цели ценности «Универсализм» производны от тех потребностей выживания индивидов, которые становятся явно необходимыми при вступлении их в контакт с кем-либо вне своей среды или при расширении группы общения. Ценность «Конформность» проявляется в сдерживании действий и побуждений, которые могут навредить другим и не соответствуют социальным ожиданиям. Приверженность кандидатов в замещающие родители группы Б этим ценностям снижают индивидуально-социальные навыки (личностные характеристики) жизнеспособности (табл. 4).

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа между показателями шкал теста RRC-ARM и теста ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов в группе Б – с низкой жизнеспособностью (n = 34)

Ценности \ Шкалы RRC-ARM	Индивидуальные социальные навыки	Духовность	Культура
Конформность	-0,36*		
Традиции		0,37*	
Универсализм	-0,35*		
Самостоятельность			-0,29**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,001$.

Подкреплением и в каком-то смысле защитой для группы с низкой жизнеспособностью является ценность традиций, коррелирующая с духовностью как компонентом жизнеспособности. Об этом же свидетельствует отрицательная корреляция ценности «Самостоятельность» с показателем жизнеспособности «Культура»: не в традиции коллективистской культуры проявлять самостоятельность, а при проявлении религиозности подчеркивается пассивное принятие обстоятельств [43]. Данные кандидатов в замещающие родители с низкой жизнеспособностью с выявленными корреляциями с ценностями на уровне индивидуальных приоритетов, проявляю-

щихся в поведении, свидетельствуют о том, что эта группа не обладает ресурсностью, респонденты зависят от условий, в которых им сложно принимать самостоятельные решения, а это в семье с приемными детьми должно происходить регулярно.

Для группы А (с высокой жизнеспособностью) получена статистически значимая положительная связь ценности «Власть» с показателем «Индивидуально-социальные навыки» (тест RRC-ARM). Основная цель этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса, контроля, доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание).

Ценность «Власть» для человека подчеркивается достижением или сохранением доминантной позиции в рамках целой социальной системы. По-видимому, ценности, проявляющиеся в сдерживании своих побуждений, стремлении оправдывать социальные ожидания, и приводят к ослаблению индивидуально-социальных навыков жизнеспособности, тогда как ценности, ориентированные на достижение статуса, признания, авторитета, подразумевают большую активность, умение доказывать, утверждать свою позицию среди других людей, способствуют увеличению индивидуально-социальных навыков (личностных характеристик) жизнеспособности (табл. 5). Одновременно высокая ценность власти снижает способность оказывать психологическую заботу, что можно трактовать как сниженную эмпатию респондентов. Для кандидатов в замещающие родители за решением принять сироту в семью может стоять желание оправдывать социальные ожидания и доказывать правоту своей позиции, укрепляя тем самым свою индивидуальную жизнеспособность.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа между показателями шкал теста RRC-ARM и теста ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов в группе А – с высокой жизнеспособностью (n = 40)

Шкалы RRC-ARM \ Ценности	Индивидуальная поддержка	Индивидуально-социальные навыки	Психологическая забота
Конформность	-0,35*		
Власть		0,32*	-0,32*

Примечание. * – $p \leq 0,05$.

Сопоставляя ценности в двух группах, отмечаем следующее: корреляции по ценностям на уровне индивидуальных приоритетов в группе с низкой жизнеспособностью показывают, что большая ориентация на конформность и самостоятельность отрицательно связана с духовностью как контекстом жизнеспособности, а ценность доброты связана только с индивидуальной поддержкой. В группе с высокой жизнеспособностью ценность доброты связана с контекстом культуры, а ориентация на ценность без-

опасности положительно связана с психологической заботой и индивидуальными социальными навыками, при этом в группе с низкой жизнеспособностью таких связей нет. В группе с высокой жизнеспособностью ценности универсализма и самостоятельности связаны с индивидуальными навыками. В группе с низкой жизнеспособностью, в отличие от группы с высокой жизнеспособностью, выявлено конфликтное сочетание ценностей безопасности и самостоятельности.

Далее нами были получены данные по различиям в корреляционных связях кандидатов в замещающие родители, имеющих детей, и бездетных кандидатов (табл. 6).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа между показателями шкал теста RRC-ARM и теста ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов в группе кандидатов в замещающие родители, имеющих детей (n = 158)

	ИН	ИП	ИСН	ФЗ	ПЗ	Д	О	К	ОЖ
Конформность	0,27**		0,24**	0,23**	0,26**			0,26**	0,28**
Традиции		0,20*		0,16*	0,25**	0,38**			0,23**
Доброта	0,39**	0,30**	0,36**	0,24**	0,39**		0,30**	0,26**	0,38**
Универсализм	0,37**	0,29**	0,30**	0,25**	0,34**		0,23**	0,28**	0,34**
Самостоятельность	0,25**		0,19*				0,16*		
Стимуляция	0,28**	0,16*	0,30**	0,16*		0,20*	0,27**	0,15*	0,26**
Гедонизм			0,16*						
Достижения	0,31**	0,22**	0,28**	0,20*	0,30**		0,20*	0,23**	0,29**
Власть						0,17*			
Безопасность	0,26**	0,23**		0,24**	0,33**			0,19*	0,25**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,001$. Шкалы теста RRC-ARM: ИН – «Индивидуальные навыки», ИП – «Индивидуальная поддержка», ИСН – «Индивидуально-социальные навыки», ФЗ – «Физическая забота», ПЗ – «Психологическая забота», Д – «Духовность», О – «Образование», К – «Культура», ОЖ – «Общая жизнеспособность».

В группе замещающих родителей с детьми корреляционный анализ между показателями тестов Шварца (сравнивались ценности на уровне индивидуальных приоритетов, проявляющихся в поведении) и RRC-ARM показал, что основной ценностью, значимо положительно связанной со всеми показателями жизнеспособности, является «Стимуляция», выражающаяся в потребности в разнообразии и глубоких переживаниях. Мотивационная цель этого типа ценностей заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. Наиболее тесные корреляции ценности «Стимуляция» отмечаются с показателями «Индивидуальные навыки», «Индивидуально-социальные навыки» и «Образование», что связано с активной жизненной позицией респондентов этой группы и указывает на их желание использовать социальные навыки, стремиться к образованию как ресурсу для до-

стижения целей. Можно предположить, что таких кандидатов не только не пугает, но, наоборот, привлекает новый опыт общения с приемным ребенком, который сопровождается разнообразными положительными и отрицательными переживаниями. Эта ценность повышает все составляющие жизнеспособности.

Кроме того, ценности «Конформность» и «Безопасность» имеют большое количество значимо положительных связей с составляющими жизнеспособности (личностными и контекстными характеристиками) в группе кандидатов в замещающие родители с детьми. Ценность «Безопасность» выражает стремление к безопасности для личности и ее окружения. По-видимому, в этом проявляется имеющийся у кандидатов опыт воспитания и заботы о своих детях, подразумевающий и особую значимость безопасности, стабильности взаимоотношений, безопасности семьи, навыка проявления физической и психологической заботы, расположения друг к другу членов семьи, взаимопомощи, здоровья. Это подтверждается корреляционными связями показателя оценки этой ценности с такими составляющими жизнеспособности, как «Индивидуальные навыки», «Индивидуальная поддержка», «Физическая забота», «Психологическая забота», «Культура».

Ценность «Конформность» отражает в данной подгруппе умение кандидатов сдерживать свои действия и побуждения, которые могут навредить окружающим, что также является важным при воспитании детей и отражает опыт кандидатов в общении с детьми.

Ценность «Власть» в группе кандидатов в замещающие родители с детьми практически не имеет значимых корреляций с жизнеспособностью, тогда как в группе без детей ценность «Власть» связана с личностными характеристиками жизнеспособности «Индивидуальные навыки», «Индивидуальная поддержка» на статистически значимом уровне.

Ценность «Безопасность» у кандидатов в замещающие родители с детьми связана с показателями «Индивидуальные навыки», «Индивидуальная поддержка», «Физическая забота», «Психологическая забота» (тест RRC-ARM). Полученные данные определяются особенностью группы – респондентам необходимо проявлять физическую и психологическую заботу о близких, включая детей, у них есть достаточный опыт в этом, а способность оказать индивидуальную поддержку определяется индивидуальными навыками, и все эти ценности определяют общую жизнеспособность группы кандидатов в замещающие родители, имеющих детей.

Корреляций показателя оценки ценности «Безопасность» с показателями жизнеспособности (тест RRC-ARM) в группе кандидатов без детей значительно меньше, чем в группе с детьми. Выбор указанной ценности определяется следующими показателями жизнеспособности: «Индивидуальные навыки», «Индивидуально-социальные навыки», «Образование» (табл. 7).

Таблица 7

Результаты корреляционного анализа между показателями шкал теста RRC-ARM и теста ценностных ориентаций Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов в группе кандидатов в замещающие родители без детей (n = 132)

RRC-ARM Ценности	ИН	ИП	ИСН	ФЗ	ПЗ	Д	О	К	ОЖ
Конформность				0,21*			0,22*		0,22*
Традиции	0,18*					0,45**		0,30**	0,32**
Доброта	0,44**	0,21*	0,43**	0,26**	0,36**	0,21*	0,23**	0,40**	0,49**
Универсализм	0,30**		0,28**		0,22*		0,22*	0,24**	0,29**
Самостоя- тельность	0,36**	0,22*	0,32**				0,26**		0,23**
Стимуляция					0,20*				
Гедонизм								–0,18*	
Достижения	0,27**	0,25**	0,30**	0,17*	0,21*				0,25**
Власть	0,20*	0,19*							
Безопасность	0,33**		0,18*				0,20*		0,23**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,001$. Условные обозначения показателей теста RRC-ARM – см. табл. 6.

Такой выбор объясняется пониманием этой группой респондентов необходимости образования для усиления собственной безопасности и опорой в этом на индивидуальные и социальные навыки взаимодействия. В таком сочетании компонентов жизнеспособности респонденты, по-видимому, ощущают себя более безопасно, особенно в случае принятия решения о воспитании в семье сироты.

Заключение

Таким образом, полученное сочетание ценностных приоритетов влияет на жизнеспособность кандидатов в замещающие родители, потенциально снижая или увеличивая ее. Респонденты с высокой жизнеспособностью не выбирают ценности, которые потенциально могут ее снизить, опираясь на такие ценности, как традиции, конформность и доброту. Кандидаты в замещающие родители с такими ценностными приоритетами являются более ресурсными, они способны стать успешными замещающими родителями. При этом выявленная у респондентов с низкой жизнеспособностью ориентация на такие ценности, как гедонизм, власть, стимуляция, снижает компоненты их жизнеспособности и может выступать в качестве фактора риска для замещающей семьи.

Литература

1. Карабанова О.А. Семейное психологическое консультирование – теория, практика, образование // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 104–107.

2. Benson J., Thistlewaite J. Mental health across cultures: a practical guide for primary care. Sydney : Radcliffe Publishing, 2008. 222 p.
3. Нестерова А.А. Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России / под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 265–273.
4. Царькова А.Л., Кудрявцев В.А. Особенности формирования представлений о семье и семейных ценностях у подростков с умственной отсталостью // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-5. С. 315–321.
5. Молчанова Л.Н., Сердюкова Н.С. Особенности функционирования микросоциальной системы «семья, пережившая воздействие кризисной ситуации, связанная с инвалидностью ребенка» // Перспективы науки и образования. 2014. № 6 (12). С. 118–125.
6. Гибадуллин Н.В. Мотивация принятия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающую семью // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–12. С. 2756–2759.
7. Доржу З.Ю., Корчевская Е.А. Традиции тувинцев в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 270–278.
8. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Жизнеспособность и семейные ресурсы замещающих родителей // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV, вып. 4. С. 45–54. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-45-54.
9. Мишурова Е.Ю. Позиция замещающего родителя // Психология и психотехника. 2015. № 6. С. 631–638. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.6.15161.
10. Махнач А.В. Мораль и нравственность человека как основа жизнеспособности общества // Личность профессионала в современном мире / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. С. 95–108.
11. Петюкова О.Н. Семейные ценности: правовое и религиозно-нравственное измерение // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 2, № 6 (122). С. 28–32.
12. Сулимова Н.П. Семейные традиции как аспект социокультурного развития личности // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 6 (63). С. 39–46.
13. Бохан Т.Г., Галажинский Э.В., Мещерякова Э.И. Родительские наставления как один из факторов формирования копинг-стратегий юношества народов Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 42–49.
14. Куницына В.Н., Юмкина Е.А. Психологический статус понятия «семейные наставления» // Семья, брак и родительство в современной России / под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 368–375.
15. Алиева Б.Ш., Багомаева И.О. Национально-культурные ценности семейного воспитания народов Дагестана // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 19–22.
16. Володина Л.О. Ценности воспитания в русской семье в контексте традиций православной церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2014. № 2 (33). С. 42–52.
17. Федулова А.Б. Исследование ценностей и ценностных ориентаций молодой семьи в современном обществе // Система ценностей современного общества. 2014. № 34. С. 174–180.
18. Бачинина К.С., Ершова И.А. Исследование удовлетворенности браком и ценностных ориентации у супругов со стажем брака до 5 лет // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 116, № 3. С. 120–128.
19. Хамматова Р.С., Михайловский М.Н. Семейные ценности (на примере супругов, состоящих в браке длительное время) // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2013. № 3. С. 82–85.

20. Маховская О.И. Культурно-историческая специфика решения проблемы «отцов и детей» в отечественной гуманитарной традиции: нравственно-психологические аспекты // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. С. 168–182.
21. Семья, брак и родительство в современной России / под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. Вып. 2. 408 с.
22. Walsh F. Family resilience: Strengths forged through adversity // *Normal Family Processes*. 4th ed. / F. Walsh (ed.). New York : Guilford Press, 2012. P. 399–427.
23. McCubbin H.I., Thompson A.I., Thompson E.A., Elver K.M., McCubbin M.A. Ethnicity, schema, and coherence: appraisal processes for families in crisis // *Stress, Coping and Health in Families: Sense of Coherence and Resiliency* / H.I. McCubbin, E.A. Thompson, A.I. Thompson, J.E. Fromer (eds.). Thousand Oaks : Sage, 1998. P. 41–67.
24. Coyle J.P. Family Resilience // *Encyclopedia of Family Studies* / C.L. Shehan (ed.). John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 1–6. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs093.
25. HeavyRunner I., Sebastian Morris J.A. Traditional Native culture and resilience // *Center for Applied Research and Educational Improvement*. 1997. V. 5. P. 1–6.
26. Sudarkasa N. African American families and family values // *Black Families* / H.P. McAdoo (ed.). 3rd ed. Thousand Oaks : Sage, 1997. P. 9–40.
27. Daly K.J. *Families & Time: Keeping Pace in a Hurried Culture*. Newbury Park : Sage, 1996. 253 p. DOI: 10.4135/9781483327792.
28. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // *Социологические исследования*. 2010. № 1. С. 28–35.
29. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб. : Речь, 2001. 256 с.
30. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Понамарева Е.А., Рунец О.В. Анализ особенностей индивидуального стиля саморегуляции у замещающих родителей // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2017. Т. 2, № 1. С. 54–74.
31. Ungar M., Liebenberg L. The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure (RRC-ARM). User's manual : research. Halifax : RRC, 2013. 75 p.
32. Schwartz S. Are there universal aspects in the structure and content of values? // *Journal of Social Issues*. 1994. V. 50. P. 9–45. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x.
33. Kuzmyk B.I., Berezovska L.I., Psychological principles of the study of the vitality of the individual // *Науковий вісник Мукачівського державного університету. Сер. Педагогіка та психологія*. 2018. № 1 (7). С. 252–254. DOI: 10.31339/2413-3329-2018-1(7)-252-254.
34. Лактионова А.И. Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2017. Т. 2, № 4. С. 106–133.
35. Лактионова А.И. Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38, № 5. С. 27–40. DOI: 10.7868/S0205959217050038
36. Меренкова В.С., Ельникова О.Е. Специфика исследования психофизиологических и психологических компонентов формирования здоровья у людей на разных этапах онтогенеза: методологический аспект // *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2018. № 43 (3). С. 29–38. DOI: 10.24888/2073-8439-2018-43-3-29-38.
37. Постылякова Ю.В. Индивидуальная жизнеспособность и ресурсы студентов вуза // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2018. Т. 3, № 1. С. 92–108.
38. Kurtz S.P., Pagano M.E., Buttram M.E., Ungar M. Brief interventions for young adults who use drugs: the moderating effects of resilience and trauma // *Journal of Substance Abuse Treatment*. 2019. V. 101. P. 18–24. DOI: 10.1016/j.jsat.2019.03.009.
39. Liebenberg L., Moore J.C. A social ecological measure of resilience for adults: The RRC-ARM // *Social Indicators Research*. 2018. V. 136 (1). P. 1–19. doi: 10.1007/s11205-016-1523-y.

40. Суханова И.В. Психологическая готовность патронатных воспитателей как условие успешности их профессиональной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2014. 286 с.
41. Granic I., Dishion T.J., Hollenstein T. The family ecology of adolescence: a dynamic systems perspective on normative development // *Blackwell Handbook of Adolescence* / G.R. Adams, M.D. Berzonsky (eds.). Oxford : Blackwell Publishing, 2008. P. 60–91. DOI: 10.1002/9780470756607.ch4.
42. Поставнев В.М. Психологические предикторы результативности приемного родительства // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Педагогика и психология*. 2012. № 4 (22). С. 41–53.
43. Стакина Ю.М., Шангина О.В. Сравнительный анализ психологического конструкта «жизнестойкость» у студентов православного и светских вузов // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4. Педагогика. Психология*. 2011. Вып. 2 (21). С. 114–127.

*Поступила в редакцию 12.03.2019 г.; повторно 16.04.2019 г.;
повторно 27.04.2019 г.; принята 20.05.2019 г.*

Махнач Александр Валентинович – кандидат психологических наук, заместитель директора по науке Института психологии Российской академии наук.
E-mail: amak@inbox.ru

For citation: Makhnach, A.V. Interrelation of Value Priorities and Resilience in Applicants to Foster Parents. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 72: 93–113. doi: 10.17223/17267080/72/5. In Russian. English Summary

Interrelation of Value Priorities and Resilience in Applicants to Foster Parents

Alexander V. Makhnach^a

^a *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 Build. 1. Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

We assumed that certain combination of value priorities reduces or increases human resilience.

The sample (n=152) according the results of RRC-ARM (Ungar, Liebenberg, 2013) was divided on two groups with high and low resilience. The groups completed Schwartz Value Survey (SVS, Schwartz, 1992).

The results of the research are presented in the article. The respondents with high level of resilience are characterized by the choice of the individual priorities such as kindness; universalism; independence, while the respondents with low level of resilience prefer such answers as hedonism; stimulation; independence. At the level of normative ideals, foster parents' applicants with high resilience are characterized by values of tradition, conformity, and kindness. Respondents with low resilience are characterized by normative ideals of hedonism, power, and stimulation. All RRC-ARM and SVS data are significantly higher in the group with high resilience. Correlations between values in the group with low resilience show that there is a large focus on conformity and self-direction negatively associated with spirituality as the resilience context; the benevolence value is associated only with individual peer support. In the group with high resilience benevolence value correlates with the context of culture, security value is positively associated with psychological caregiving and individual

social skills. High resilience group has universalism and autonomy values associated with individual skills. In low resilience group conflicting combination of such values as safety and autonomy revealed, in contrast to the group with high resilience.

The combination of conflicting values affects resilience, potentially reducing it. Resilient respondents have no values, reducing the resilience components; low resilient respondents focusing on the value reduces some resilience components.

Keywords: value orientations; foster parents' applicants; human resilience

References

1. Karabanova, O.A. (2010) Semeynoe psikhologicheskoe konsul'tirovanie – teoriya, praktika, obrazovanie [Family psychological counseling – theory, practice, education]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 1(3). pp. 104–107.
2. Benson, J. & Thistlewaite, J. (2008) *Mental health across cultures: a practical guide for primary care*. Sydney: Radcliffe Publishing.
3. Nesterova, A.A. (2015) Zhiznesposobnost' roditeley, vospityvayushchikh rebenka s autizmom [Viability of parents raising a child with autism]. In: Makhnach, A.V. & Zuev, K.B. (eds) *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii* [Family, marriage and parenthood in modern Russia]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 265–273.
4. Tsarkova, A.L. & Kudryavtsev, V.A. (2017) Osobennosti formirovaniya predstavleniy o sem'e i semeynykh tsennostyakh u podrostkov s umstvennoy otstalost'yu [Features of the formation of ideas about the family and family values in adolescents with mental retardation]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 56(5). pp. 315–321.
5. Molchanova, L.N. & Serdyukova, N.S. (2014) Features of functioning of microsocial system “the family which has gone through influence of a crisis situation, connected with physical inability of the child”. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives for Science and Education*. 6(12). pp. 118–125. (In Russian).
6. Gibadullin, N.V. (2014) The motivation behind admitting orphans and children left without parental supervision to foster families without parental supervision to foster families. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 9–12. pp. 2756–2759. (In Russian).
7. Dorzhu, Z.Yu. & Korchevskaya, E.A. (2015) Traditions of Tuvinians concerning children – orphans and children without parental support. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9(162). pp. 270–278. (In Russian).
8. Makhnach, A.V., Laktionova, A.I. & Postylyakova, Yu.V. (2018) Viability and Family Resources of Foster Parents. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke – The Humanities And Social Studies in the Far East*. 15(4). pp. 45–54. (In Russian). DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-45-54
9. Mishurova, E.Yu. (2015) Position of a Substitute Parent. *Psikhologiya i psikhotehnika – Psychology and Psychotechnics*. 6. pp. 631–638. (In Russian). DOI: 10.7256/2070-8955.2015.6.15161.
10. Makhnach, A.V. (2013) Moral' i npravstvennost' cheloveka kak osnova zhiznesposobnosti obshchestva [Human morality as the basis of social vitality]. In: Dikaya, L.G. & Zhuravlev, A.L. (eds) *Lichnost' professionala v sovremennoy mire* [The Identity of a Professional in the Modern World]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 95–108.
11. Petyukova, O.N. (2013) Semeynye tsennosti: pravovoe i religiozno-npravstvennoe izmerenie [Family values: legal and religious moral dimensions]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2(6). pp. 28–32.

12. Sulimova, N.P. (2016) *Semeynye traditsii kak aspekt sotsiokul'turnogo razvitiya lichnosti* [Family traditions as an aspect of the sociocultural development of the individual]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 6(63). pp. 39–46.
13. Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.V. & Meshcheryakova, E.I. (2005) *Roditel'skie nastavleniya kak odin iz faktorov formirovaniya koping-strategiy yunoshestva narodov Sibiri* [Parental instructions as one of the factors in the formation of the coping strategies of the youth of the peoples of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 286. pp. 42–49.
14. Kunitsyna, V.N. & Yumkina, E.A. (2015) *Psikhologicheskiy status ponyatiya "semeynye nastavleniya"* [The psychological status of the concept of "family instruction"]. In: Makhnach, A.V. & Zuev, K.B. (eds) *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii* [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 368–375.
15. Alieva, B.Sh. & Bagomaeva, I.O. (2015) National-cultural values of family education of the peoples of Dagestan. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 3(52). pp. 19–22. (In Russian).
16. Volodina, L.O. (2014) Upbringing values in the traditional Russian family in the context of the Russian Orthodox Church ideology. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2(33). pp. 42–52. (In Russian). DOI: 10.15382/sturIV201433.42-52
17. Fedulova, A.B. (2014) *Issledovanie tsennostey i tsennostnykh orientatsiy molodoy sem'i v sovremennom obshchestve* [Study of values and value orientations of a young family in modern society]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 34. pp. 174–180.
18. Bachinina, K.S. & Ershova, I.A. (2013) *Issledovanie udovletvorennosti brakom i tsennostnykh orientatsii u suprugov so stazhem braka do 5 let* [The study of marital satisfaction and value orientations of spouses with marriage experience of up to 5 years]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 116(3). pp. 120–128.
19. Khammatova, R.S. & Mikhaylovsky, M.N. (2013) *Semeynye tsennosti (na primere suprugov, sostoyashchikh v brake dlitel'noe vremya)* [Family values (a case study of spouses married for a long time)]. *Nauka 21 veka: voprosy, gipotezy, otvety*. 3. pp. 82–85.
20. Makhovskaya, O.I. (2011) *Kul'turno-istoricheskaya spetsifika resheniya problemy "ottsov i detey" v otechestvennoy gumanitarnoy traditsii: nravstvenno-psikhologicheskie aspekty* [Cultural and historical specificity of solving the problem of "fathers and children" in the national humanitarian tradition: moral and psychological aspects]. In: Zhuravlev, A.L. & Yurevich, A.V. (eds) *Psikhologicheskie issledovaniya dukhovno-nravstvennykh problem* [Psychological studies of spiritual and moral problems]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 168–182.
21. Makhnach, A.V. & Zuev, K.B. (eds) *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii* [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
22. Walsh, F. (2012) Family resilience: Strengths forged though adversity. In: Walsh, F. (ed.) *Normal Family Processes*. 4th ed. New York: Guilford Press. pp. 399–427.
23. McCubbin, H.I., Thompson, A.I., Thompson, E.A., Elver, K.M. & McCubbin, M.A. (1998) Ethnicity, schema, and coherence: appraisal processes for families in crisis. In: McCubbin, H.I., Thompson, E.A., Thompson, A.I. & Fromer, J.E. (eds) *Stress, Coping and Health in Families: Sense of Coherence and Resiliency*. Thousand Oaks: Sage. pp. 41–67.
24. Coyle, J.P. (2016) Family Resilience. In: Shehan, C.L. (ed.) *Encyclopedia of Family Studies*. John Wiley & Sons, Inc. pp. 1–6. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs093

25. HeavyRunner, I. & Sebastian Morris, J.A. (1997) Traditional Native culture and resilience. *Center for Applied Research and Educational Improvement*. 5. pp. 1–6.
26. Sudarkasa, N. (1997) African American families and family values. In: McAdoo, H.P. (ed.) *Black Families*. 3rd ed. Thousand Oaks: Sage. pp. 9–40.
27. Daly, K.J. (1996) *Families & Time: Keeping Pace in a Hurried Culture*. Newbury Park: Sage. DOI: 10.4135/9781483327792
28. Lapin, N.I. (2010) Funktsional'no-orientiruyushchie klasteri bazovykh tsennostey nasele-niya Rossii i ee regionov [Functional orienting clusters of basic values of the population of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 28–35.
29. Frankl, V. (2001) *Psikhoterapiya na praktike* [Psychotherapy in practice]. Translated from German. St. Petersburg: Rech'.
30. Aldasheva, A.A., Zelenova, M.E., Ponamareva, E.A. & Runets, O.V. (2017) Analiz oso-bennostey individual'nogo stilya samoregulyatsii u zameshchayushchikh roditel'ey [Analysis of the peculiarities of self-regulation individual style in replacement parents]. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 2(1). pp. 54–74.
31. Ungar, M. & Liebenberg, L. (2013) *The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure (RRC-ARM)*. Halifax: RRC.
32. Schwartz, S. (1994) Are there universal aspects in the structure and content of values? *Journal of Social Issues*. 50. pp. 9–45. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x
33. Kuzmyk, B.I. & Berezovska, L.I. (2018) Psychological principles of the study of the vitability of the individual. *Naukoviy visnik Mukachivs'kogo derzhavnogo universitetu. Ser. Pedagogika ta psikhologiya*. 1(7). pp. 252–254. DOI: 10.31339/2413-3329-2018-1(7)-252-254
34. Laktionova, A.I. (2017) Structural-level analysis of resilience phenomenon. *Organi-zatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 2(4). pp. 106–133. (In Russian).
35. Laktionova, A.I. (2017) Interrelation between structures of meaning, reflexivity and resili-ence. *Psikhologicheskii zhurnal*. 38(5). pp. 27–40. (In Russian). DOI: 10.7868/S0205959217050038
36. Merenkova, V.S. & Elnikova, O.E. (2018) Spetsifika issledovaniya psikhofiziologicheskikh i psikhologicheskikh komponentov formirovaniya zdorov'ya u lyudey na raznykh etapakh ontogeneza: metodologicheskii aspekt [The specifics of the study of psychophysiological and psychological components of the formation of health in people at different stages of ontogenesis: the methodological aspect]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve – Educational Psychology in Polycultural Space*. 43(3). pp. 29–38. DOI: 10.24888/2073-8439-2018-43-3-29-38
37. Postilyakova, Yu.V. (2018) Individual'naya zhiznesposobnost' i resursy studentov vuza // Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk [Individual viability and resources of uni-versity students]. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 3(1). pp. 92–108.
38. Kurtz, S.P., Pagano, M.E., Buttram, M.E. & Ungar, M. (2019) Brief interventions for young adults who use drugs: the moderating effects of resilience and trauma. *Journal of Substance Abuse Treatment*. 101. pp. 18–24. DOI: 10.1016/j.jsat.2019.03.009
39. Liebenberg, L. & Moore, J.C. (2018) A social ecological measure of resilience for adults: The RRC-ARM. *Social Indicators Research*. 136(1). pp. 1–19. DOI: 10.1007/s11205-016-1523-y
40. Sukhanova, I.V. (2014) *Psikhologicheskaya gotovnost' patronatnykh vospitateley kak uslovie uspekhnosti ikh professional'noy deyatel'nosti* [Psychological readiness of foster parents as a condition for the success of their professional activities]. Psychology Cand. Diss. Tver.
41. Granic, I., Dishion, T.J. & Hollenstein, T. (2008) The family ecology of adolescence: a dynamic systems perspective on normative development. In: Adams, G.R. & Berzonsky, M.D. (eds) *Blackwell Handbook of Adolescence*. Oxford: Blackwell Publishing. pp. 60–91. DOI: 10.1002/9780470756607.ch4

42. Postavnev, V.M. (2012) Psikhologicheskie prediktory rezul'tativnosti priemnogo rodi-tel'stva [Psychological predictors of the effectiveness of the adoptive parent]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya*. 4(22). pp. 41–53.
43. Stakina, Yu.M. & Shangina, O.V. (2011) Comparative analysis of the psychological construct of hardiness in Orthodox and secular university students. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2(21). pp. 114–127. (In Russian).

Received 12.03.2019; Revised 16.04.2019;

Revised 27.04.2019; Accepted 20.05.2019

Alexander V. Makhnach – Deputy Director, Institute of Psychology of RAS. Cand.Sc.
E-mail: amak@inbox.ru